

МІЖНАРОДНЕ ПРАВО; МІЖНАРОДНЕ ЕКОЛОГІЧНЕ ПРАВО

УДК 327(5):341(1)

DOI: <https://doi.org/10.18524/2411-2054.2021.42.232405>

*Альдо Лигустро*¹, доктор філософії в області права,
професор міжнародного права
Університет Фоджи
Юридический факультет
Largo Papa Giovanni Paolo II, 1, Фоджа, 71121, Італія
e-mail: aldo.ligustro@unifg.it

ПАДЕНИЕ БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ: ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ ОДНОГО СВИДЕТЕЛЯ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Статья посвящена тридцатой годовщине падения Берлинской стены, одного из самых важных исторических событий после окончания Второй мировой войны. В первой части работы исследованы события, приведшие к разделению Германии в послевоенный период, и эволюция отношений между двумя Германиями и, на мировом уровне, между двумя противостоящими блоками во время «холодной войны» вплоть до падения стены. Во второй части изучены краткосрочные и долгосрочные последствия падения стены для Германии, Европы и всего мира, приведшие в глобальном масштабе к формированию состояния так называемой «новой холодной войны» и «фрагментированной третьей мировой».

Ключевые слова: холодная война, ГДР, аншлюс, Ostpolitik, Основной закон ФРГ, конец истории, столкновение цивилизаций, фрагментированная третья мировая война.

Постановка проблемы. 9 ноября 2019 года почти во всем мире отметили тридцатую годовщину падения Берлинской стены, которое, несомненно, является самым важным историческим событием после окончания Второй мировой войны. В этом контексте интересно проследить исторические события, которые привели к разделению Германии в послевоенный период, а также эволюцию отношений между двумя Германиями и, на глобальном уровне, между двумя противостоящими блоками во время «холодной войны». Проблемы, поднятые в данной работе, могут рассматриваться в рамках трех основных ракурсов исследования: а) привело ли объединение Германии, которое произошло в 1990 году, к эффективному воссоединению народов двух ранее существовавших Германий, в частности, с точки зрения социальной сплоченности; б) в какой степени и как объединение повлияло на процесс европейской интеграции и не является ли оно в некоторой степени также причиной кризисов и разногласий, которые недавно возникли на Старом континенте и в Европейском Союзе; в) каково состояние международных отношений и глобального геополитического баланса, отражающегося на процессах и механизмах международно-правового регулирования вопросов мира и безопасности, в эпоху «после холодной войны».

Анализ последних исследований и публикаций. Захватывающая реконструкция условий жизни немецкого народа во время разделения Германии и холодной войны может быть найдена в работе и также заставляющем задуматься фильме Э. Мауро «Души в заточении. Хроники Берлинской стены» (2019). Недавнее глубокое исследование и многосторонняя дискуссия о процессе объединения Германии на фоне сопоставления с процессом «объединения» северных и южных регионов Италии предлагается в коллективной ра-

¹ Автор выражает благодарность доценту кафедры общеправовых дисциплин и международного права Одесского национального университета имени И. И. Мечникова Нигреевой Алене Александровне за перевод с итальянского статьи, опубликованной в журнале «DPCEonline» (№1/2019).

боте под редакцией Л. Траниелло, У. Виллани-Лубелли и М. Скотто «Италия, Германия и Европейское единство. К 30-летию падения Берлинской стены» (2019). Для формирования критической оценки последствий объединения Германии в Европе и, в частности, для процесса интеграции в рамках Европейского Союза очень полезны следующие материалы: В. Джакке «Аншлюс. Объединение Германии и будущее Европы» (2013), Л. Хуг и Г. Маркс «Постфункциональная теория европейской интеграции: от позвольительного консенсуса к сдерживающим разногласиям» (2009).

В период, который последовал за падением Стены, благодаря исследованию Ф. Фукуямы «Конец истории» (1989), получила широкое распространение идея «конца истории». Она повлекла за собой признание во всем мире западной политической, экономической и социальной модели, которая будучи по сути либеральной и либертарной, основывается на рыночной экономике и представительной демократии.

Вскоре после этого эволюция международных отношений продемонстрировала, что также тезис о «столкновении цивилизаций», выдвинутый в работах Ф. Хантингтона «Столкновение цивилизаций?» (1993), «Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка» (1996), имеет право на существование, в частности, в контексте вызова, который исламский фундаментализм бросает западному миру.

Что касается настоящего момента, в последнее время наиболее авторитетные определения международной реальности, которые можно встретить в трудах Ф. Рампини «Вторая холодная война. Битва за новое мировое господство» (2019) и А. Скордаса «Возвышение неогобсианской эпохи: тридцать лет после падения Берлинской стены» (2019), связывают ее с новой холодной войной (в частности, между США, Россией и Китаем) и «фрагментированной третьей мировой войной».

Как было продемонстрировано в работе Дж. Э. Стиглица «Цена неравенства. Как сегодняшнее разделенное общество угрожает нашему будущему» (2012), среди разнообразных причин многочисленных конфликтов, нарушающих спокойствие по всему миру, не последнее место занимают причины экономического характера. Перед лицом этих конфликтов главная мировая политическая организация, ООН, оказывается разделенной и бессильной, и лишь изредка государствам удается согласовывать свои действия ради общих целей и ценностей. Их защита, как это видно из ряда значимых международно-правовых исследований, в частности: А. Лигустро «Шестьдесят лет Италии в ООН: празднование без риторики» (2016), П. Пиконе, «Международное сообщество и обязательства «erga omnes» (2013), «Обязательства «erga omnes» и применение силы» (2017), также должна рассматриваться в качестве «обязательства erga omnes».

Цель исследования. Помимо первоначального замысла подготовки публикации, приуроченной к празднованию тридцатой годовщины падения Берлинской стены, задачей работы является критическая оценка воздействия этого события на жизнь немецкого народа, а также на европейскую и мировую систему международных отношений. Основная цель состоит в том, чтобы сформировать понимание как причин кризиса, в котором находится Европейский Союз, так и сильных сторон сложившейся ситуации. Кроме того, автор стремится изучить проблематику и возможности правового урегулирования широкомасштабных конфликтов, которые все чаще возникают в международных отношениях, несмотря на прекращение противостояния, которое конец холодной войны, казалось бы, должен был гарантировать.

Изложение основного материала. *Холодная война и Берлинская стена.* Мне повезло «вживую» стать свидетелем падения Берлинской стены – исторического события, которое, без сомнения, стало самым важным после окончания Второй мировой войны. Его 30-летие было отпраздновано в прошлом году не только в Германии, но и по всему миру. Я стал свидетелем этого события почти случайно, благодаря моей подружке-журналисту, которая в течение нескольких месяцев внимательно следила за политическими событиями, приведшими к той роковой дате – 9 ноября 1989 года. Именно она позвонила мне по телефону вечером 9-го, чтобы сообщить мне эту невероятную новость, практически заставив меня пойти и встретить ее у Бранденбургских ворот. Я был по-

ражен и отнесся к происходящему с недоверием. Как и ее строительство, разрушение стены на самом деле было событием, которое начало созреть намного ранее, но в то же время оказалось неожиданным и удивительным.

Власти ГДР (Германской Демократической Республики), находясь под давлением Москвы, которая требовала положить конец библейскому исходу немецкого народа в Федеративную Республику Германии¹, давно размышляли над сооружением стены. Оно, однако, неоднократно опровергалось с помощью одних из наиболее лживых обещаний, когда-либо произнесенных в истории, – это ложь премьер-министра Восточной Германии Вальтера Ульбрихта: «Никто не собирается строить стену. Строители ГДР занимаются строительством домов!». Вместо этого, в час ночи 13 августа 1961 года, когда все общественное освещение оказалось выключенным, была развернута тщательно спланированная операция под кодовым названием «Роза». Тысячи солдат из Восточной Германии, «защищенные» советскими войсками и танками, начали развешивать колючую проволоку вдоль 156-километровой линии вокруг западных кварталов города и вскоре после этого перешли к сооружению бетонного барьера, который разделил Берлин на целых 28 лет.

Это был финальный акт чрезвычайно напряженных столкновений, которые после изначального периода сотрудничества на немецкой земле между державами-победительницами во Второй мировой войне² привели, на фоне развертывания холодной войны, к противостоянию коммунистического блока и блока западных стран, наблюдая за которым миру не раз приходилось затаивать дыхание в страхе перед заревом новой мировой войны.

Одним из самых драматичных эпизодов стало решение блокировать как автомобильную, так и железную дороги. Сталин принял его 24 июня 1948 года, намереваясь захватить Западный Берлин «без применения оружия», парализовав его и подавив благодаря голоду и холоду. Это было реакцией на денежную реформу, которая на западных территориях и в самом Западном Берлине заменила старую рейхсмарку немецкой маркой, фактически положив начало строительству унитарной Западной Германии без согласия Москвы. Ответ Запада³ пришел в виде воздушных перевозок для обеспечения берлинцев припасами, в том числе благодаря рейсам из Австралии, Южной Африки и Новой Зеландии. Блокада закончится только через 15 месяцев (и после смерти 73 пилотов!).

Период, последовавший сразу за этим, привел к возникновению и стабилизации двух Германий, основанных в 1949 году. Ни Федеративная Республика Германии (ФРГ, Bundesrepublik Deutschland), ни Германская Демократическая Республика (ГДР, Deutsche Demokratische Republik) не отказались от идеи о воссоединении. Однако это должно было произойти на условиях каждой республики и в соответствии с их собственными принципами, поскольку обе они считали себя единственными законными представителями немецкого народа. Таким образом, первые годы разделения характеризовались разобщенностью и враждебностью между двумя странами. В то же время статус Берлина, который был разделен на четыре административных сектора, каждый из которых находился в ведении великой державы, оставался неопределенным. Именно возведение стены в 1961 году «зацементировало» (в том числе и в буквальном смысле!), как казалось на тот момент, окончательно, разделение между западными и восточными секторами, препятствуя свободе передвижения между ними, и, как следствие, оформило разделение двух Германий. Одновременно возникла необходимость в новой политике, направленной на управление этой двойной государственностью, в том числе для улучшения условий жизни семей, разделенных стеной.

Взаимное признание и стремление к уважению суверенитета пришли с запуском «новой восточной политики» (Ostpolitik), основанной на идее «разрядки», которая была

¹ За 12 лет с 1949 года два с половиной миллиона восточных немцев нашли убежище в Западном Берлине.

² Сотрудничество, оформленное Ялтинским и Потсдамским соглашениями 1945 года, по которым Германия и Берлин были разделены на четыре области, управляемые Соединенными Штатами, Соединенным Королевством, Францией и Советским Союзом, и осуществляемое в рамках единого органа – Контрольного совета.

³ Для многих именно в это время «Запад» стал политическим и идеальным образованием.

предложена бывшим бургомистром Западного Берлина, социал-демократом Вилли Брандтом, после его назначения на пост Федерального канцлера 21 октября 1969 года. Кульминацией *Ostpolitik* стало подписание в 1973 году Договора об основах взаимоотношений между четырьмя государствами, которые осуществляли управление городом. В том же году обе Германии вступили в ООН. В 1975 году они подписали так называемый Хельсинкский акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (по сути, содержащий простые политические договоренности, не влекущие за собой юридических обязательств), который выражал приверженность уважению прав человека, а также гарантии свободы передвижения. Последнее, однако, было в значительной степени проигнорировано ГДР, несмотря на заключение соответствующих двусторонних соглашений *ad hoc* с ФРГ.

В 1971 году политика разрядки принесла Вилли Брандту Нобелевскую премию мира. Тем не менее, она не избавила его от жесткой критики со стороны консервативной оппозиции внутри страны, а также от обращения в Федеральный конституционный суд (по запросу правительства Баварии во главе с ХСС Франца Йозефа Штрауса) о признании Договора об основах взаимоотношений таким, который нарушает положения Основного закона (*Grundgesetz*) о воссоединении всех немецких земель. Последнее, однако, было отклонено судьями Карлсруэ. Договор также считали несовместимым с тезисом о «континуитете» ФРГ в отношении Рейха, который звучал в острых дебатах о происхождении и природе Боннской республики между немецкими политиками и юристами, в которых по разные стороны принимали участие ученые уровня Ганса Кельзена и Карла Шмитта. Первый был склонен рассматривать оккупацию союзников как дебелиацию, вследствие которой Рейх исчез. Второй, напротив, заявлял о полной преемственности с Рейхом (хотя и не с национал-социализмом), утверждая, что в соответствии с международным правом Германия после военного поражения никогда не исчезала, но была только временно недееспособной [1, с. 55; 2, с. 39].

Начало конца стены. Политика разрядки означала если не принятие, то хотя бы признание существования стены, чья стабильность оставалась непоколебимой как после выступления президента США Джона Ф. Кеннеди 26 июня 1963 года, так и после столь же известной речи другого президента США, Рональда Рейгана, 12 июня 1987 года по случаю 750-летия Берлина. Первый, выступающий за свободу берлинцев, завершил речь известной фразой «*Ich bin ein Berliner*» («Я – берлинец»); последний, выступая перед Бранденбургскими воротами, попросил: «Господин Горбачев, откройте эти ворота. Господин Горбачев, снесите эту стену!».

Конец стены наступил через два года. Это произошло внезапно, но, как уже было сказано, ожидаемо после длительного инкубационного периода. Удаленные корни этого события, возможно, уходят даже во вторжение Советского Союза в Афганистан в 1979 году. Оно осуществлялось в поддержку местного коммунистического правительства во внутреннем конфликте, который, продлившись много лет (до февраля 1989 года), обескровил экономику СССР (как если бы это был Советский Вьетнам!). Это еще более усилило разрыв с западным миром, предопределив упадок советского государства в качестве сверхдержавы и его будущий распад¹.

Изложение этого событийного фона необходимо для полного понимания некоторых решающих исторических изменений, произошедших непосредственно перед ноябрем 1989 года. К ним, в частности, можно отнести демократические реформы в Советском Союзе (гласность и перестройка), которые были инициированы Михаилом Горбачевым, вступившим в должность в Кремле в 1985 году, и с которыми он связал отказ Советского Союза от вооруженной «защиты» европейских коммунистических режимов. Ее пример имел место в Восточном Берлине 17 июня 1953 года, когда танки, присланные из Москвы, открыли огонь по населению, чтобы подавить продолжающуюся забастовку.

¹ Кетати, по мнению некоторых исследователей, именно в Афганистане обе сверхдержавы как завершили, так и проиграли холодную войну. Ведь оказывая поддержку антикоммунистической оппозиции этой страны, в том числе той ее части, которую вдохновлял исламский фундаментализм, также США и их союзники в конечном итоге «взвели курок винтовки», которая позже оказалась направленной против Запада.

Парадоксально, но это была первая забастовка рабочих-строителей против правительства государства, именовавшего себя государством «рабочих и крестьян». Она произошла – еще один парадокс – вследствие требования самой же Москвы после смерти Сталина в 1953 году о проведении экономических реформ, которые бы способствовали повышению уровня жизни рабочих. Однако правительство Германии, прежде всего, сосредоточило внимание на повышении производительности, что привело к еще большему ухудшению условий труда.

В результате репрессий погибли 267 человек (помимо тех 200 «предателей», которые будут казнены впоследствии). Также пострадали более 1000 человек, 4000 были арестованы и 1400 приговорены к пожизненному заключению (этому драматическому событию в Берлине посвящена большая улица, названная в честь 17 июня, которая соединяет Колонну Победы с Бранденбургскими воротами и пересекает огромную зеленую территорию Тиргартен). Затем, как хорошо известно, произошли кровавые интервенции в Венгрии в 1956 году и в Чехословакии в 1968 году против так называемой «весны» (реформы социалистических режимов сталинского образца), инициированной местными властями.

Однако настоящее «начало конца» было определено рядом заявлений Горбачева, сделанными на протяжении 1989 года, согласно которым «отношения между двумя Германиями» больше не рассматривались как вопрос советской значимости. Эта новая ориентация с любовью называлась «политикой Синатры» (отсылка к песне «My Way» певца Фрэнка Синатры) и означала, что каждая страна, входящая в Варшавский блок, теперь должна была идти «своим путем» при полной автономии от Москвы. Годом ранее тот же Горбачев объявил в ООН свое решение об одностороннем и безоговорочном выводе полумиллиона солдат, 10 000 танков и 800 советских самолетов из Европы. Эффектом этого стало ускорение демонтажа «железного занавеса», который начался с приходом к власти новых реформистских режимов в Польше, Чехословакии и Венгрии. В частности, 2 мая 1989 года венгерское правительство сняло колючую проволоку на границе с Австрией, куда быстро хлынули тысячи восточных немцев (у которых, по крайней мере, в рамках советского блока было больше свободы передвижения). Многие другие укрылись в посольствах Западной Германии в Будапеште, Праге и Варшаве, выкрикивая: «Wir wollen raus!» («Мы хотим выбраться!»): к свободе и благосостоянию. Но рядом с теми, кто хотел бежать, росла волна тех, кто хотел остаться («Wir bleiben hier!» («Мы остаемся!»)), «Wir sind das Volk!» («Мы народ этой земли!»)), требуя демократии, либеральных выборов и свободы. Возникли различные движения за гражданские права, главными из которых были «Neues Forum» («Новый форум») и «Demokratie Jetzt» («Демократия сейчас»), способные мобилизовать сотни тысяч людей.

Несанкционированные демонстрации на площадях, выкрикивавшие «Горби! Горби!», даже испортили торжественное празднование 40-летия ГДР, которое состоялось 7 октября в присутствии Горбачева. Это еще один парадокс в истории стены: Советы неожиданно стали освободителями немецкого народа от упорной ортодоксальной политики СЕПГ (Социалистической единой партии Германии). 18 октября Генеральный секретарь СЕПГ Эрих Хонеккер, находившийся у власти с 1971 года¹, по решению Политбюро отказался от должности в пользу своего приемника Эгона Кренца. СЕПГ и государственные органы уже не справлялись с разворачивающимися событиями. Предчувствие падения стены витало в воздухе. Решающей искрой стала презентация нового законопроекта о визах и транзите на Запад, который, будучи еще очень ограничивающим, подлил масла в огонь протестов. Совет министров и все Политбюро были вынуждены уйти в отставку, одновременно с чем был представлен новый законопроект.

Die Wende: невероятная ночь 9 ноября 1989 года. Затем наступило 9 ноября – «Die Wende» («Поворот»). Около 20:00 в конце пресс-конференции было объявлено о новых мерах по транзиту, которые обеспечили бы «без особых формальностей» свободу пере-

¹ И который даже в январе 1989 года еще предсказывал, что «даже через пятьдесят или сто лет стена все еще будет существовать».

движения граждан Восточной Германии. После этого объявления пресс-секретарь и второе лицо Политбюро Гюнтер Шабовски, загнанный в угол вопросами журналистов (и, в частности, итальянского журналиста Риккардо Эрмана из агентства «Ansa»), ответил¹, что эти меры должны были действовать «ab sofort» (немедленно). Новость распространилась по всему миру, удивив всех («Стена пала!»). Это оказалось неожиданностью даже для тех, кто впоследствии станет главными действующими лицами воссоединения с западной стороны: канцлера Гельмута Коля и министра иностранных дел Ганса-Дитриха Геншера, которые в тот момент находились в Варшаве на праздновании инаугурации нового польского реформистского правительства².

Граждане Восточной Германии узнавали о событиях только по отголоскам программ новостей западных телеканалов, не получая подтверждений со стороны своих властей, которые перебросили тысячи солдат к границам, но сделали это, не отдав им четких команд. Напряжение было невероятным. Сцена, свидетелем которой я стал, приехав на такси к Бранденбургским воротам, где к позднему вечеру собралось не более 50 человек, почти все из которых были журналистами, в том числе пять или шесть итальянцев, поначалу каждому казалась необъяснимой.

Сквозь колоннаду ворот можно было увидеть несколько десятков человек, которые шаг за шагом пересекали «границу», осторожно поглядывая на «народную полицию» (Volkspolizei), стоявшую неподвижно в строю. Убедившись в ее безразличии³, эти люди возвращались и исчезали. Присутствующие удивлялись странному поведению тех, кто прождал свободы 28 лет и кто месяцами бесстрашно выходил на улицы, требуя ее. И только через несколько минут мы поняли: на самом деле эти люди были отважным «авангардом» множества друзей и родственников, которые ждали на расстоянии и очень скоро, убедившись в своей безопасности, тысячами хлынули в западный сектор.

Последующие сцены не имели ничего общего с изображениями ликующих толп и ударов киркой по стене, которые на следующий день разлетелись по миру. Вместо этого тот вечер и та ночь скорее напоминали вторжение «призраков». Безмолвные и изумленные, они бродили по улицам Западного Берлина, с недоверием любуясь зданиями и символами богатого Запада, знакомыми им лишь из телевизионных передач. Только на рассвете, при помощи «братьев» из западного сектора, недоверие превратилось в народный праздник, сопровождаемый освободительными песнями⁴. На следующий день границу пересек миллион человек, получив при этом свои «приветственные деньги» в размере 100 марок каждому, выделенные правительством ФРГ в качестве приглашения.

Однако такой счастливый конец истории стены и этой «невероятной ночи» 9 ноября не был чем-то само собой разумеющимся. В других местах ситуация обстояла немного иначе. Например, на пограничном переходе Борнхольмер-штрассе, в районе Веддинг, где чуть было ни произошла бойня. Пограничники, не имея четких приказов, в действительности уже были готовы начать стрелять в толпу. Но в этот момент командир отделения Гарольд Йегер после неоднократных, но безуспешных обращений к верховному командованию взял на себя ответственность (и, конечно, риск того, что ему придется отвечать за это перед своим начальством) поднять шлагбаум, тем самым избежав побоища⁵.

¹ На самом деле импровизируя, не имея по этому поводу каких-либо указаний.

² Только накануне вечером Геншер заявил Леху Валенсе, лидеру «Солидарности», что он предчувствовал скорое падение стены, а затем и СССР, заметив, однако, что «... прежде чем это произойдет, на наших могилах вырастут большие деревья».

³ Они не стреляли, в отличие от того, что произошло в феврале того же года, когда был убит 21-летний Крис Гефрой, последняя жертва «приказа стрелять» (Schießbefehl). Это было постоянное распоряжение, отданное министром государственной безопасности пресловутого Штази Эрихом Мильке военным ГДР, отвечающим за пограничный контроль. Будучи в силе с 1960 года, оно было отменено только в апреле 1989 года.

⁴ В частности, «So ein Tag, so wunderschön wie Heute» («Такой чудесный день, как сегодня») – главный лейтмотив певческого репертуара, который немцы использовали в особых случаях.

⁵ Об этом эпизоде вспомнили в 25-ю годовщину падения стены в фильме «Борнхольмер-штрассе», который транслировался по государственному телевидению Германии, в то время как Гарольду Йегеру была посвящена улица в Берлине.

Последствия падения стены для Германии. Падение Стены коренным образом изменило историю Германии, а вместе с ней Европы и всего мира. Изменения, однако, не прошли без трудностей и проблем, а их долгосрочные последствия сложны и противоречивы.

Прежде всего, что касается немецкой истории, объединение двух Германий не сразу воспринималось как нечто подразумевающееся. Особенно, для политического класса ГДР, который во главе с новым секретарем СЕПГ Эгоном Кренцем предпринял отчаянную, но не вполне убедительную попытку выступить в глазах народа в качестве организатора реформаторского изменения режима. Однако люди, находясь теперь в постоянной мобилизации, требовали радикальных изменений и не могли быть удовлетворены простой отставкой Хонеккера¹. Вместо этого режим был свергнут, быстро рухнув под ударами неудержимых волн протеста. Таким образом, 1 декабря парламент ГДР отменил статью конституции, которая гарантировала СЕПГ ведущую роль в государстве. Эгон Кренц («короткий») ушел в отставку через два дня (его заменил адвокат Грегор Гизи), а вместе с ним все Политбюро и Центральный комитет. Первые свободные выборы были проведены 18 марта. Коалиция ХДС и социал-демократов 12 апреля избрала Лотара де Мезьера премьер-министром. 18 мая между двумя Германиями был заключен Договор о валютном, экономическом и социальном союзе. 1 июля восточная марка была заменена немецкой маркой. 31 августа был подписан Договор об объединении, назначенном на 3 октября, дату, когда законодательство ФРГ распространило свое действие на пять восточных земель.

Однако и с боку ФРГ первоначально существовало сопротивление проекту воссоединения. На внутреннем плане оно ощущалось со стороны политиков и интеллектуалов². На международном уровне для преодоления опасений, вызванных потенциальной мощью будущей «Великой Германии», решающим было принятие ею границ 1945 года (в особенности – восточной границы с Польшей, проходящей по рекам Одер и Нейсе). Еще Вилли Брандт взял на себя обязательство уважать вышеупомянутые границы, что и было подтверждено Договором об окончательном урегулировании в отношении Германии (так называемый «Договор 2+4»), который был заключен 12 сентября 1990 года между двумя Германиями и государствами, все еще представленными на территории Берлина. Кроме того, был заключен договор между новой Германией и Польшей.

Обязательства, взятые на себя правительством Германии в отношении развития процесса европейской интеграции и проекта единой валюты, были не менее важны (к этим моментам мы вскоре вернемся).

Как только первоначальные препятствия были преодолены, воссоединение, наконец, произошло с удивительной быстротой. «Менее чем за одиннадцать месяцев то, что многие считали невозможным, было достигнуто: без войны, а благодаря народной «мирной революции» на Востоке сначала пала Стена, а затем один из двух соперников уступил и в конечном итоге вошел в сферу действия Основного закона ФРГ (Grundgesetz)» [1, с. 64]. На формальном уровне путь, выбранный новым правительством Демократической Республики, пришедшим к власти в результате выборов 18 марта 1990 года³, был предусмотрен в ст. 23 Grundgesetz, дававшей возможность также другим землям войти в сферу действия Конституции.

Тогда же возникла еще одна небольшая формальная проблема: выбор даты национальной годовщины воссоединения Германии. Действительно, празднование 9 ноября сразу оказалось неприемлемым для немцев, т.к. эта дата была «скомпрометирована» двумя неприятными историческими событиями. Первое произошло 9 ноября 1918 года, когда император Вильгельм II отрекся от престола после поражения в Первой мировой

¹ Как и позже, они не были удовлетворены его исключением из партии вместе с Эрихом Мильке и девятью другими лидерами партии.

² Обратите внимание на возражения лауреата Нобелевской премии по литературе Гюнтера Грасса, который опасался, что с воссоединением Германии может возродиться также и немецкий национализм.

³ Выбор, позже подтвержденный Народной палатой ГДР (Volkskammer), одобрившей Договором об окончательном урегулировании в отношении Германии 23 августа 1990 года.

войне, а второе – 9 ноября 1938 года – стало печально известным как «хрустальная ночь» или погром еврейских магазинов по всей Германии и прелюдия к холокосту. В этой связи пришлось вернуться к дате 3 октября – моменту административного воссоединения 1990 года, которая затем стала национальным праздником.

Очевидно, однако, что существенные проблемы экономического и социального характера, порожденные процессом воссоединения, были гораздо более серьезными. Этот процесс, особенно вначале, не был абсолютно безболезненным для немецкого народа. За последовавший за этим мощный процесс интеграции между Востоком и Западом¹ нужно было заплатить. На Западе это проявилось в повышении налогов и сокращении социальных выплат², что должно было компенсировать финансовую нагрузку, вызванную интеграцией новых земель. На Востоке воссоединение было оплачено систематическими увольнениями в государственном секторе тех, кто был дискредитирован сотрудничеством с коммунистическим режимом. Кроме того, посредством Ведомства по опеке над государственным имуществом (Treuhand) был осуществлен демонтаж большинства государственных предприятий³. Ценой объединению также стала массовая безработица, до того момента совершенно незнакомая Германии [3, с. 25]⁴. Недовольство, которое возникло в годы после воссоединения, породило довольно сильную напряженность и новые тенденции. К ним относятся: *Ostalgie* (ностальгия по старому миру ГДР), волны неонацизма и расизма, враждебность между *Wessis* и *Ossis* (западными и восточными немцами) и «сопротивление» падению стены «в умах» людей. Это также спровоцировало очень разные электоральные тенденции между Востоком и Западом. На Востоке⁵ эти тенденции часто сопровождались утверждением партий, которые были наследниками коммунизма, или, наоборот, популистских, националистических и ксенофобских движений, таких как недавняя «Альтернатива для Германии» (Alternative für Deutschland) [4, с. 127]⁶. Однако по прошествии 30 лет большинство этих проблем, похоже, было преодолено, и процесс интеграции новых земель можно считать в целом успешным. В отличие от итальянского юга, экономический разрыв с западными землями имеет тенденцию к сокращению, и в 2017 году, впервые после воссоединения, перемещение людей с Запада на Восток было большим, чем перемещение тех, кто ехал в обратном направлении. Берлин стал волшебным городом и одной из самых удобных для жизни столиц мира. Несколько лет назад за эти характеристики он получил определение города «бедного» (по накопленным долгам), но в то же время «секси». Эти слова принадлежат Клаусу Воверайту, который 13 лет был бургомистром Берлина.

Европа после падения стены. Не менее противоречивы и еще более сложны для оценки исторические последствия падения стены и окончания холодной войны для Европы и мира.

В Европе ее непосредственным результатом стало крушение других коммунистических режимов (в Болгарии, Литве, Чехословакии и Румынии), что не везде, в отличие от Германии, произошло без кровопролития. «Как если бы Стена была символом, первым камнем, оторванным от этого мира, который будет означать падение всего Востока» [5, с. 175]. Даже сердце «империи» вскоре было поражено крушением коммунистического

¹ Для некоторых, однако, процесс интеграции был больше похож на аншлюс, аннексию ГДР Федеративной Республикой Германии. В этом же смысле высказался итальянский ученый V. Giacché, Anschluss. L'unificazione della Germania e il futuro dell'Europa (2013).

² В частности, в соответствии с так называемым планом Харца, разработанным между 2003 и 2005 годами социал-демократическим правительством во главе с канцлером Герхардом Шредером.

³ Это были предприятия, часто выкупаемые у западных компаний по номинальным ценам или даже получаемые бесплатно только с целью устранения конкуренции и, следовательно, быстрого закрытия или сокращения.

⁴ Об эволюции немецкой экономической и социальной системы после падения стены, а также для сравнения с итальянской системой из недавнего см. Ch. Dipper, *Wachsende Ungleichheit, Schleichende Entfremdung. Italiens und Deutschlands wirtschaftliche Entwicklung, nach dem Boom* (2019).

⁵ Где дух нацизма, возможно, никогда не пытались по-настоящему изгнать, как это было в Федеративной Республике.

⁶ Об этих тенденциях, а также для сравнения с политической системой Италии см. E.G. Heidebreder, *Nach dem Ende des Endes der Geschichte: Deutschland und Italien in der EU von Morgen* (2019).

правительства Москвы и распадом Советского Союза в период с января 1990 года по декабрь 1991 года.

Другим важным последствием стало рождение Европейского Союза (по Маастрихтскому договору 1992 года), который заменил Европейское сообщество. Но еще большее значение имело появление евро и еврозоны со всеми ограничениями их «первородного греха», которые резко проявились на фоне экономического кризиса 2008 года. Кроме того, все более широко распространяющейся является нетерпимость, демонстрируемая в последние годы во всех странах-членах по отношению к европейским институтам и законодательству¹. Действительно, следует помнить о сложной ситуации, которая привела (возможно, в большей степени основываясь на геополитических выгодах, чем на экономической рациональности) к реализации этих проектов. Конец bipolarности и «холодной войны» казался Европе уникальной возможностью занять более важное экономическое и политическое положение на международной арене. Однако это было бы невозможным без решительного участия Германии, которая после воссоединения, казалось, хотела выйти из процесса европейской интеграции, чтобы стать независимой политической силой в Центральной и Восточной Европе. Как следствие, необходимость крепко связать Германию с европейским проектом, прежде всего по воле Франции Миттерана, привела к «стремительному броску» к единой валюте. Это произошло на условиях, в значительной степени «продиктованных» Бундесбанком, воплощением финансовой строгости, которая была очень дорога правительствам Бонна и Берлина и которая обошлась очень дорого для других стран еврозоны или, по крайней мере, для стран Южной Европы, таких как Италия. В действительности, после падения стены Гельмут Коль поклялся, что хочет не немецкую Европу, а европейскую Германию. Однако его министр финансов Тео Вайгель «был обеспокоен тем, что евро представляло собой скорее расширенную версию немецкой валюты, чем настоящую европейскую валюту» [6, с. 4].

Наряду с разрывом между Севером и Югом, расширение Европейского Союза на Восток, которое поначалу казалось очень привлекательным для стран, освободившихся из-под советского ига, тем не менее, также оставило существенные разломы между Востоком и Западом, которые сегодня представляют едва ли ни наибольшую угрозу для будущего и для самого выживания ЕС. Прежде всего, речь идет о культурном разрыве. Для Западной Европы национализм был причиной войн и всякого угнетения. Для Восточной Европы угнетение сначала пришло из пангерманизма, а затем из коммунистического интернационализма, в то время как национализм принимает форму нового открытия собственной идентичности в качестве долгожданного освобождения. Это объясняет отвержение этнического и культурного смешения с беженцами-мусульманами и отказ передать суверенитет Брюсселю. Таким образом, правые политические силы окрашены национализмом, а левым, на какой бы платформе они ни стояли, трудно избавиться от давящей тени коммунизма и сталинизма [6, с. 4]. В то же время не только в странах Восточной Европы, но и в Европе в целом (и в мире) в политике традиционная оппозиция левых и правых часто заменяется новым противостоянием. С одной стороны в нем представлены движения и партии, базирующиеся на таких трех основных ценностях, как экология, альтернативность и либертарианство. Они более ориентированы на европейскую интеграцию и международное сотрудничество. Другая сторона новой оппозиции представлена движениями и партиями популистского и этатического стиля, которые находят свое вдохновение в другой ценностной триаде: традиции, авторитаризм и национализм [7, с. 1]².

¹ Феномен, кульминацией которого стали результаты референдума по Brexit, проведенного в Соединенном Королевстве в июне 2016 года.

² По этому поводу см. исследование уже считающееся «классическим»: L. Hooghe and G. Marks, *A Postfunctionalist Theory of European Integration: From Permissive Consensus to Constraining Dissensus* (2009); кроме того, более недавний анализ E.G. Heidebreder, *Nach dem Ende des Endes der Geschichte* (2019); о недавних дебатах о перспективах европейской интеграции с упором, в частности, на роль Германии, см. также сочинения P. Schiffauer, I. Jędrzejowska-Schiffauer и B. Venocci, содержащиеся в книге под ред. Chr. Liermann Traniello, U. Villani-Lubelli, M. Scotto.

Мир без стены: от конца истории до «фрагментированной третьей мировой». Для остального мира 1989 год стал началом счастливой эры, отмеченной большей сплоченностью и сотрудничеством между государствами. Уже после первой войны в Персидском заливе 1991 года против Ирака Саддама Хусейна произошло значительное оживление Совета Безопасности ООН в его роли гаранта международного мира и безопасности. В тот момент он больше не был парализован систематически играми постоянных членов с перекрестным вето, что было типично для предыдущего периода [8, с. 129; 9, с. 387; 10, с. 3]. В этой связи многие делали ставку или надеялись, что разработка системы коллективной безопасности, предусмотренная Уставом ООН, может быть, наконец завершена созданием постоянной армии под контролем Организации (статья 43 и последующие), чего не возможно было бы достичь ранее в условиях холодной войны. Другой надеждой было то, что международному сообществу удастся достичь большей сплоченности и сотрудничества, пусть вне системы ООН, вокруг общих фундаментальных ценностей и интересов, которые, помимо решения проблемы международной безопасности и мира, могли бы гарантировать эффективное управление «глобальными общественными благами»¹. Между тем Фрэнсис Фукуяма даже провозгласил «конец истории» в мире, умиротворенном триумфом либеральной модели демократии и экономики, гарантированной американской гегемонией [11, с. 13]².

Опираясь на это убеждение, Запад вместо этого совершил ошибку, не реформировав управление международной политикой и экономикой адекватным образом с учетом вызовов и ответственности, связанных с новой ситуацией, и оставив слишком много места и власти сильнейшим государствам и свободе рынков. В любом случае история быстро вернулась в прежнее русло, и тезис Фукуямы был быстро опровергнут ростом новых военных и экономических сил и, прежде всего, глобальной угрозой исламского терроризма, так что «пророчество» Сэмюэла Филлипса Хантингтона о «столкновении цивилизаций» показалось более реалистичным (что было драматично продемонстрировано феноменами Аль-Каиды и ИГИЛ, а также многочисленными межрелигиозными конфликтами, разразившимися в разных частях мира)³. Однако еще более значимым выглядит определение текущей ситуации в мире, озвученное несколько лет назад Папой Франциском, когда он говорил о «фрагментированной третьей мировой войне». Нынешнее культурное и религиозное противостояние на самом деле является лишь одним из элементов существующего положения вещей, которое некоторые определяют как «неогоббсовское» [12, с. 469]: состояние широко распространившихся и перманентных конфликтов, по разным причинам ставших характерными для XXI века. К ним относятся: геополитические конфликты; гражданские и международные конфликты; торговые войны, которые подрывают функционирование такого важного многостороннего учреждения, как Всемирная торговая организация; противостояния, связанные с конкуренцией за природные ресурсы, расовыми или гендерными различиями, а также экономическими и социальными диспропорциями и т. д.

В этом контексте, после первоначальных ожиданий о возрождении, ООН продемонстрировала новые разногласия, разрывающие ее изнутри и ставшие современными отголосками «холодной войны» между Западом и путинской Россией. Они находятся в сложном переплетении со «второй холодной войной»⁴, происходящей между США и Китаем⁵. ООН оказалась неспособной разрешать военные конфликты и предотвращать другие акты насилия, часто уступая в вопросах обеспечения международной безопасности и законности односторонним военным инициативам государств-членов,

¹ См. многочисленные статьи П. Пиконе, содержащиеся в указанном выше собрании сочинений и в «Comunità internazionale e obblighi «erga omnes», Napoli, III ed., 2013.

² См. знаменитую работу F. Fukujama, *The End of History*, в *The National Interest* (1989) и, на итальянском, *La fine della storia e l'ultimo uomo. La democrazia liberale è il culmine dell'esperienza politica?* (1992).

³ См. также хорошо известные статьи Хантингтона, написанные им в ответ на тезисы Фукуямы: *The Clash of Civilizations?*, в *Foreign Affairs* (1993) и *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order* (1996); в итальянском переводе: *Lo scontro delle civiltà e il nuovo ordine mondiale* (2000).

⁴ Ее определение дано в последней книге F. Rampini. *La seconda guerra fredda* (2019).

⁵ Об этом также читайте в одном из выпусков «Limes» № 11/2019 под названием «Cina-Russia. La strana coppia».

наряду со всеми рисками злоупотреблений, связанными с унилатерализмом¹. Все же в одном Фукуяма, был, возможно, в какой-то степени прав, во всяком случае, до настоящего момента. Давайте попробуем применить концепцию «конца истории» к экономическому мышлению и практике. Крах коммунизма и исчезновение конкуренции между альтернативными системами (направленными на демонстрацию того, что каждая модель развития была не только эффективной, но и социально справедливой), на которых базировалось биполярное равновесие времен холодной войны, в течение нескольких десятилетий после падения Стены открыли путь для утверждения единого либерального мышления в планетарном масштабе. Их исчезновение также проложило дорогу триумфальному маршу финансового капитализма в контексте общих процессов глобализации экономики. Именно эти явления, согласно авторитетным и все более широко распространенным исследованиям, представляют реальную причину последнего серьезного экономического кризиса, который до сих пор не преодолен. Они также стали причиной резкого возрастания неравенства, социальной дезинтеграции и девальвации демократических ценностей и принципов правового государства, даже в западных странах². Парадоксальный эпилог войны, развязанной, с точки зрения победителей, именно во имя демократии и свободы!

Выводы и предложения. В контексте вышеизложенного, возможно, верной является распространенная в последнее время мысль о том, что общая реакция на такое положение дел ведет к завершению периода истории глобализации, который длился 30 лет. А это, в свою очередь, означает упадок определенного мирового порядка, сформировавшегося в результате падения Берлинской стены и окончания холодной войны³. В этом смысле мы действительно подошли к концу конца истории [4, с. 1]. Однако верно и то, что мы сталкиваемся со сценарием, который даже эксперты в области международных отношений считают трудно интерпретируемым и развитие которого в настоящее время невозможно предсказать.

В свете сложности явлений и возникших проблем приведенные здесь вкратце соображения следует рассматривать только как пищу для размышлений. Не претендуя на полноту и системность, данные положения могли бы получить свое развитие в последующих исследованиях. Это, однако, не преуменьшает масштабов и ценности того, что было достигнуто немецким народом как в невероятную ночь 9 ноября 1989 года, так и после этого. Они полностью заслужили право гордо и радостно отпраздновать 30-летие вновь обретенного единства.

Список используемой литературы

1. D'Amelio F. Solo una questione di teoria del diritto? Un'altra Wiedervereinigung e il conflitto per l'identità della nazione tedesca dalla divisione del 1949 alla Repubblica di Berlino. *Italia, Deutschland und die europäische Einheit. Zum 30-jährigen Jubiläum des Berliner Mauerfalls*: Chr. Liermann Traniello, U. Villani-Lubelli, M. Scotto (edit.). Stuttgart, 2019. P. 55–67.
2. Villani-Lubelli U. 1919–1949–2019. Continuità e fratture nella storia della democrazia in Germania. *Italia, Deutschland und die europäische Einheit. Zum 30-jährigen Jubiläum des Berliner Mauerfalls*: Chr. Liermann Traniello, U. Villani-Lubelli, M. Scotto (edit.). Stuttgart, 2019. P. 39–54.
3. Dipper Ch. Wachsende Ungleichheit, Schleichende Entfremdung. Italiens und Deutschlands wirtschaftliche Entwicklung, nach dem Boom'. *Italia, Deutschland und die europäische Einheit. Zum 30-jährigen Jubiläum des Berliner Mauerfalls*: Chr. Liermann Traniello, U. Villani-Lubelli, M. Scotto (edit.). Stuttgart, 2019. P. 25–37.
4. Heidebreder E. G. Nach dem Ende des Endes der Geschichte: Deutschland und Italien in der EU von Morgen. *Italia, Deutschland und die europäische Einheit. Zum 30-jährigen Jubiläum des Berliner Mauerfalls*: Chr. Liermann Traniello, U. Villani-Lubelli, M. Scotto (edit.). Stuttgart, 2019. P. 127–139.

¹ См. упомянутые в этой связи работы Паоло Пиконе, в частности, статьи «La guerra contro l'Iraq e le degenerazioni dell'unilateralismo» и «Unilateralismo e guerra contro l'ISIS» в «Obblighi «erga omnes» (2017).

² Для дополнительной информации по этой теме см., среди многих, работу лауреата Нобелевской премии J.E. Stiglitz, *The Price of Inequality. How Today's Divided Society Endangers Our Future*, New York, 2012; в контексте юридического анализа – P. Picone, *Capitalismo finanziario e nuovi orientamenti dell'ordinamento internazionale*, в *Diritti Umani e Diritto Internazionale*, 2014/1; критический подход к вопросу продемонстрирован в публикациях в № 6 за 2019 год журнала «MicroMega», который целиком посвящен последствиям падения Берлинской стены.

³ Это, к примеру, центральный тезис работы Рампини, которая была процитирована ранее.

5. Mauro E. Anime prigioniere. Cronache dal Muro di Berlino. Milano: Fertonelli, 2019. 203 p.
6. Bonanni A. Le ferite dell'Europa. *La Repubblica*, 10 novembre 2019. P. 4.
7. Hooghe L., Marks G. A Postfunctionalist Theory of European Integration: From Permissive Consensus to Constraining Dissensus. *British Journal of Political Science*, 2009, № 1 (39). P. 1–23.
8. Picone P. Interventi delle Nazioni Unite e obblighi erga omnes: *Obblighi «erga omnes» e uso della forza*. Napoli: Editoriale Scientifica, 2017. P. 129–194.
9. Picone P. Le autorizzazioni all'uso della forza tra sistema delle Nazioni Unite e diritto internazionale generale: *Obblighi «erga omnes» e uso della forza*. Napoli: Editoriale Scientifica, 2017. P. 387–460.
10. Ligustro A. Sessant'anni dell'Italia all'ONU: per una celebrazione senza retorica. *Diritto Pubblico Comparato ed Europeo*, 2016, № 1. C. 3–12.
11. Fukujama F. The End of History. *The National Interest*, 1989, № 16. P. 3–18.
12. Skordas A. The Rise of the Neo-Hobbesian Age: Thirty Years since the Fall of the Berlin Wall. *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht*, 2019, № 79. P. 469–479.

References

1. D'Amelio F. (2019) Solo una questione di teoria del diritto? Un'altra Wiedervereinigung e il conflitto per l'identità della nazione tedesca dalla divisione del 1949 alla Repubblica di Berlino. Italien, Deutschland und die europäische Einheit. Zum 30-jährigen Jubiläum des Berliner Mauerfalls: Chr. Liermann Traniello, U. Villani-Lubelli, M. Scotto (edit.). Stuttgart [in Italian].
2. Villani-Lubelli U. (2019) 1919–1949–2019. Continuità e fratture nella storia della democrazia in Germania. Italien, Deutschland und die europäische Einheit. Zum 30-jährigen Jubiläum des Berliner Mauerfalls: Chr. Liermann Traniello, U. Villani-Lubelli, M. Scotto (edit.). Stuttgart. P. 39–54 [in Italian].
3. Dipper Ch. (2019). Wachsende Ungleichheit, Schleichende Entfremdung. Italiens und Deutschlands wirtschaftliche Entwicklung, nach dem Boom?. Italien, Deutschland und die europäische Einheit. Zum 30-jährigen Jubiläum des Berliner Mauerfalls: Chr. Liermann Traniello, U. Villani-Lubelli, M. Scotto (red). Stuttgart, 2019. P. 25–37 [in German].
4. Heidebreder E. G. (2019). Nach dem Ende des Endes der Geschichte: Deutschland und Italien in der EU von Morgen, Italien, Deutschland und die europäische Einheit. Zum 30-jährigen Jubiläum des Berliner Mauerfalls: Chr. Liermann Traniello, U. Villani-Lubelli, M. Scotto (edit.). Stuttgart. P. 127–139. [in German].
5. Mauro E. (2019). Anime prigioniere. Cronache dal Muro di Berlino. Milano: Fertonelli. 203 p. [in Italian].
6. Bonanni A. (2019). Le ferite dell'Europa. *La Repubblica*, 10 novembre 2019. P. 4 [in Italian].
7. Hooghe L., Marks G. (2009). A Postfunctionalist Theory of European Integration: From Permissive Consensus to Constraining Dissensus. *British Journal of Political Science*, 2009, № 1 (39). P. 1–23.
8. Picone P. (2017). Interventi delle Nazioni Unite e obblighi erga omnes: Obblighi «erga omnes» e uso della forza. Napoli: Editoriale Scientifica. P. 129–194 [in Italian].
9. Picone P. (2017). Le autorizzazioni all'uso della forza tra sistema delle Nazioni Unite e diritto internazionale generale: Obblighi «erga omnes» e uso della forza. Napoli: Editoriale Scientifica. P. 387–460 [in Italian].
10. Ligustro A. (2016). Sessant'anni dell'Italia all'ONU: per una celebrazione senza retorica. *Diritto Pubblico Comparato ed Europeo*, 2016, № 1. C. 3–12. [in Italian].
11. Fukujama F. (1989). The End of History. *The National Interest*, 1989, № 16. P. 3–18.
12. Skordas A. (2019). The Rise of the Neo-Hobbesian Age: Thirty Years Since the Fall of the Berlin Wall. *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht*, 2019, № 79. P. 469–479.

Статья поступила 15.05.2021 г.

Альдо Лигустро, доктор філософії в галузі права,
професор міжнародного права
Університет Фоджі
Юридичний факультет
Largo Papa Giovanni Paolo II, 1, Фоджа, 71121, Італія
e-mail: aldo.ligustro@unifg.it

ПАДІННЯ БЕРЛІНСЬКОЇ СТІНИ: СПОГАДИ І РОЗДУМИ ОДНОГО СВІДКА ЧЕРЕЗ ТРИДЦЯТЬ РОКІВ

Резюме

Стаття присвячена тридцятій річниці падіння Берлінської стіни, однієї з найважливіших історичних подій після закінчення Другої світової війни. У першій частині роботи досліджено події, що призвели до поділу Німеччини в післявоєнний період,

і еволюція відносин між двома Німеччинами та, на світовому рівні, між двома ворогуючими блоками під час «холодної війни» аж до падіння стіни. У другій частині вивчено короткострокові і довгострокові наслідки падіння стіни для Німеччини, Європи та всього світу, що призвели в глобальному масштабі до формування стану так званої « нової холодної війни » і «фрагментованої третьої світової».

Ключові слова: холодна війна, НДР, аншлюс, Ostpolitik, Основний закон ФРН, кінець історії, зіткнення цивілізацій, фрагментована третя світова війна.

Aldo Ligustro, PhD in Law
Full Professor of International Law,
University of Foggia
Department of Legal Studies
Largo Papa Giovanni Paolo II, 1, Foggia, 71121, Italy
e-mail: aldo.ligustro@unifg.it

THE FALL OF THE BERLIN WALL: MEMORIES AND REFLECTIONS OF A WITNESS THIRTY YEARS LATER

Summary

On 9 November 2019 the thirtieth anniversary of the fall of the Berlin Wall which is undoubtedly the most important historical event since the end of the Second World War was celebrated almost all over the world. First of all, this article is dedicated to the historical events that led to the division of Germany in the immediate post-war period, to the evolution of relations between the two Germanys and, at a global level, between the two opposing blocs at the time of the “cold war” up to the fall of the Wall, on behalf of which the author, who was residing in Berlin at the time, also provides direct testimony. In the second part he moves on to examine the short and long term effects of the fall of the Wall for Germany, for Europe and for the whole world. The multiple problematic aspects are highlighted at each of these levels: a) in particular, with regard to the internal events in Germany, attention falls both on the juridical aspects of reunification (whether it was a matter of reunification on an equal basis or rather an “annexation” of the conquered state by the winner) and the social ones (whether the process of social reunification and cohesion – compared with the analogous processes that have taken place in Italy between North and South – can be said to be complete and successful); b) at the European level the influence that German unification has exerted on the integration process is analyzed. The institution of the single currency, the Euro, in the image and likeness of the old German Mark, as well as the expansion of the EU by accepting new members and attracting countries previously belonging to the Soviet bloc to the western one for mostly geopolitical reasons are definitely determined; c) finally, as regards international relations, the article follows the passage from the illusion of the “end of history” and the relaunch of the United Nations on the basis of values and objectives that are now common, thanks to the end of the Cold War, to the current reality of the “new cold war” and the “fragmented third world war”, characterized by the spread of numerous conflicts of different nature.

Keywords: cold war, Deutsche Demokratische Republik, anschluss, Ostpolitik, Grundgesetz, the end of the history, the clash of civilizations, fragmented third world war.